

Двенадцатый год эпохи Цяньюань. Конец весны.

Холодный ветер овеивал лунный свет, нагоняя опавшую листву и оседая тонкой пылью, которая отчетливо проступала на тускло-серых черепичных крышах города Лаодао.

Ночь выдалась глубокой.

В столь поздний час, прячась от неумолимого бега дней и ночей, страшась пожаров, воров и бродячих разбойников, каждая семья уже давно затворила двери и заперла окна.

Но стоило кошачьему мяуканью полоснуть тишину, как в трактире семьи Лю в городе Лаодао раздалось сменяющие друг друга выкрики и подзадоривание.

Сегодня ночью устроим состязание в питье. Разумеется, победит тот, кто выпьет больше всех и сможет устоять на ногах.

Неужели, помимо рецепта вина Аромат четырех капель, на кону не найдется чего-нибудь более ценного?

Это нужно спросить у барышни А Юэ.

В главном зале трактира сидела прекрасная девушка лет шестнадцати-семнадцати, звавшаяся А Юэ. При улыбке в уголки ее губ залегали две неглубокие ямочки, напоминавшие тающий мартовский снег и будоражившие сердца дюжины сидевших за столами собутыльников.

Я еще молода и неопытна, но перед тем, кто одержит победу, непременно преклонюсь и выполню любое его желание.

А Юэ откупорила кувшин с вином, и пронесшийся по залу легкий весенний ветерок наполнил воздух ароматом, пока она наполняла чаши каждого гостя.

Под ободряющий окрик хозяина трактира вокруг разлился веселый и громкий звонкий смех выпивающих.

В тихом углу на северо-западе Е Ханьянь крутил в пальцах компас, словно не замечая происходящего за окном и совершенно не интересуясь девичьим состязанием.

Однако разносившиеся один за другим крики невольно заставили его нахмуриться.

Он изначально хотел отыскать тихое местечко, чтобы спокойно испить чаю, и поскольку умиротворенная и безмятежная глушь города Лаодао показалась ему подходящей, он и

остановился здесь.

Но в этом городке, кроме самого трактира, поистине не оказалось ни единого приюта для путника.

Возгласы и крики поистине нарушали его покой.

Эх! — легко вздохнул Е Ханьянь, вращая компас в руке.

Распространяя винное амбре, смешанное с девичьей застенчивостью, А Юэ тихонько подошла к Е Ханьяню:

— Молодой господин... Вы что, не пьете?

— Какое вино? — Е Ханьянь опустил запястье, пряча компас в рукав.

А Юэ застенчиво опустила ресницы и робко произвела:

— Состязание в питье.

Е Ханьянь ответил:

— Я гадатель.

— Пусть и гадатель, но разве можно прийти в трактир и не выпить?

— Стоит мне пригубить вина, как мои предсказания перестанут сбываться.

А Юэ непринужденно поставила чашу на стол:

— Но разве у гадателей обычно не бывают густые брови и длинные бороды? Откуда же вам быть таким красивым и утонченным?

— Если не веришь, я могу погадать на твою сегодняшнюю сердечную удачу, — Е Ханьянь потрогал подбородок, глядя на А Юэ с полуулыбкой. — Если скажу неправду, выпьешь эту чашу, и не поздно будет.

Его лукавый взгляд вогнал А Юэ в такую краску, что она едва справлялась со смущением:

— Молодой господин... Почему вы гадаете не на победителя пиршества, а на мою любовную удачу?

Е Ханьянь посмотрел на лицо А Юэ:

— Потому что это интереснее.

— Интереснее?

— Ты интереснее их.

Лицо А Юэ цвело персиковым цветом, глаза походили на осенние воды, а сама она была облачена в светло-зеленое платье, словно распутившийся летний лотос, стройный и изящный.

В этот момент на ее щеках, тронутых легкими ямочками, играл румянец смущения, и разве могло это не взволновать чье-то сердце.

— Такой красивой девушки, как ты, во всем городе во второй раз не сыскать, — не дожидаясь ответа А Юэ, продолжал Е Ханьянь. — Устроить состязание в питье и собрать здесь всех молодых талантов города — ты наверняка использовала себя в качестве приманки.

— Я... — А Юэ явно удивилась. — Я лишь выставила на кон рецепт приготовления вина Аромат четырех капель, чтобы отдать его тому, кто победит в состязании.

Е Ханьянь произнес:

— Но раз ты уродилась столь прекрасной, мне думается, они пьют вовсе не ради рецепта, а чтобы заполучить красавицу в жены.

Столь легкомысленные речи заставили лицо А Юэ слегка измениться в лице.

Е Ханьянь неторопливо продолжил:

— И не только они питают такие мысли — ты сама преследуешь ту же цель.

А Юэ заикнулась:

— Я еще мала и не понимаю, о чем говорит молодой господин.

— Ты прекрасно понимаешь алчные взгляды этих пьянц, а когда наливаешь вино, ступаешь

легко, словно лотос по воде, лишь подогревая в них надежду заполучить красавицу в жены, отчего их боевой дух так сильно возрос. Неужели барышня и вправду хочет выбрать себе достойного мужа?

Уголки глаз Е Ханьяня изогнулись в улыбке:

— Только вот все эти пьянчуги, хоть и молоды, все же не ровня твоему вкусу, вот ты и решила завлечь меня в состязание.

А Юэ перевела взгляд и тихо фыркнула:

— Я лишь подумала, что тебе одиноко сидеть одному, а ты еще вздумал дразнить меня.

Е Ханьянь самодовольно изрек:

— Да потому что я красивее всех среди этих мужчин, и даже если не смогу подарить барышне истинное сердце, меня можно притащить домой и поставить на видное место для утехи глаз.

— Оказывается, ты силен не в гаданиях, а в бесстыдстве, — А Юэ упорно глядела на Е Ханьяня, словно никогда прежде не встречала столь наглого человека.

— К сожалению, я желаю лишь тихо оставаться прекрасным юношей, — Е Ханьянь нахмурился, тяжело вздохнул и вежливо отказался: — И жениться пока не намерен.

А Юэ собралась с духом, прикрыла рот рукой и тихонько хихикнула:

— Раз молодой господин так говорит, значит, он уверен в своей победе?

Оставив винный кувшин, она протянула Е Ханьяню полную чашу.

Е Ханьянь принял вино и пригубил глоток:

— Разве я могу проиграть?

— Тогда... — А Юэ уставилась на чашу с вином, полная ожиданий. — Почему же ты не пьешь дальше?

Е Ханьянь тоже посмотрел на А Юэ, его взгляд колыхнулся:

— Ты так молода, а уже думаешь выскочить замуж через пари — неужели родители не запрут

тебя дома?

Слова эти будто задели болезненное воспоминание А Юэ, она закрыла лицо руками и горько заплакала:

— Мои родители погибли, дома у меня давно нет, и теперь я лишь жажду обрести счастливый союз, чтобы коротать остаток дней.

— Так ты не дочь хозяина трактира семьи Лю? То-то я смотрю, ни капли на него не похожа.

— Мой дом в городе Фуфэн, предки владели винокурней. Пережив великое бедствие и спасаясь от преследования врагов, лишь я одна сбежала с секретным рецептом. Трактир семьи Лю приютил меня, а приз служит платой за услугу...

Е Ханьянь спросил:

— Но зачем искать того, кто умеет пить? Если попадется муж-пьяница, разве не обречешь себя на полжизни горестей?

— Но я умею лишь варить вино, да к тому же за мной гонятся враги... — А Юэ со слезами на глазах жалобно посмотрела на Е Ханьяня.

Е Ханьянь задумался:

— Аромат четырех капель сварила ты?

А Юэ выглядела жалкой и трогательной:

— Раз я так мала, неужели я не похожа на ту, что способна варить вино?

Е Ханьянь возразил:

— Да вовсе нет.

На ресницах А Юэ блеснули слезинки:

— Молодой господин так хорош собой, значит, и голова у вас крепкая.

Е Ханьянь усмехнулся:

— Ты заставляешь меня пить — неужели и впрямь хочешь выйти за меня?

А Юэ утерла слезы и лукаво улыбнулась:

— Ты говоришь, что гадатель, но наверняка врешь.

— С чего бы?

— Потому что все гадатели — старики, а молодой господин слишком юн.

— Так ты увидела, что я хорош собой, прельстилась моей красотой, решила обмануть, напоить вином и выдать за себя замуж?

— Молодой господин сам себя нахваливает.

— Ты даже не спросила моих имени и фамилии, не поинтересовалась, не распутник ли я, с чего же ты взяла, что я не злостный повеса?

Е Ханьянь дьявольски усмехнулся, его правая рука внезапно выметнулась вперед, схватила А Юэ за запястье и притянула к себе в объятия, а левая с молниеносной быстротой ущипнула девушку за щеку.

Лицо А Юэ казалось столь нежным, что с него будто можно было согнать воду.

Е Ханьянь, не успев насладиться сполна, бессовестно изрек:

— И впрямь ароматна.

— Ты! Бессовестный! — А Юэ, еще не отойдя от испуга, выскользнула из объятий Е Ханьяня. От подобных домогательств незнакомца ее бросило то в жар, то в холод — смесь стыда и гнева окрасила щеки в невероятно чарующие алые тона.

К счастью, все юноши в трактире уже изрядно захмелели и никто не обратил на нее внимания, иначе ей было бы не показаться людям на глаза.

Е Ханьянь улыбнулся сладко и довольно:

— Барышня в таком виде поистине прекрасна, донельзя прекрасна.

А Юэ закрыла лицо руками и заплакала:

— Ты... ты...

Промычав так с полминуты, она так и не нашлась, что ответить.

Е Ханьянь с бесстыдной, мерзенькой улыбочкой протянул:

— Барышня... все еще хочешь выйти за меня?

А Юэ прекратила всхлипывать и прямо посмотрела на Е Ханьяня:

— Ты распустил руки, так что будь добр нести за меня ответственность.

Даже это не могло ее отпугнуть, и Е Ханьянь загадочно произнес:

— Жаль только, ты слишком ядовита, такую женушку я взять не осмелюсь.

А Юэ охватило раздражение от того, что ей отказали.

— Раз за тобой гонятся враги, если я женюсь на тебе, разве не придется и мне спастись от них? — приговаривая так, Е Ханьянь нашел происходящее крайне занятным, не удержался и положил руку на чашу, нежно поглаживая ее и ощущая дурманный аромат вина. — Доброе вино!

Он вздохнул:

— Вино хоть и отменное, но... от чрезмерного питья и впрямь легко расстаться с жизнью.

Словно в ответ на эти слова, несколько черных лучей рассекли воздух. В полумраке этого помещения они показались донельзя нереальными, вызывая непреодолимое желание забыться: ночь подступала столь стремительно, что, даже противясь и не желая с этим мириться, невольно приходилось закрыть глаза.

Лишь бы погрузиться в сон.

Вслед за черными лучами раздался сухой треск, отдавшийся ударом в сердце Е Ханьяня.

— Молодой господин, спасите меня.

В помрачении чувств Е Ханьянь расслышал тихий стон А Юэ. Опустив взгляд, он увидел, что девушка уже рухнула у его ног: из уголков ее рта сочилась темная кровь, а сама она то и дело

тяжело и мучительно дышала.

Чаши на столе разлетелись вдребезги, вино ручейками потекло по полу, просачиваясь сквозь щелки в самую землю.

Те самые неверной походкой распивающие вино юноши, а также хозяин трактира и мальчик на побегушках — все они рухнули на землю, и из уголков их губ тоже сочилась темная кровь, а в глазах не осталось ни искры жизни.

Они были отравлены.

Никто не избежал участи.

Е Ханьянь окинул взглядом весь трактир: чаши разбило несколько черных листьев, источавших одновременно умиротворение и зловещую жутковатость.

Он невольно нахмурился.

Кап-кап! Кап-кап!

Одинокое эхо капающего на пол вина казалось до того оглушающим, что от тишины перехватывало дыхание.

— Какая подлая у вас методика, уважаемый: перебили их всех, а меня оставили в живых. Если дознание начнет чиновник из управы, разве не падет все на мою голову? Сколько ни оправдывайся, не отмоюсь, — Е Ханьянь поднял взгляд и посмотрел на двери.

Двери плотно закрыты, ветер затих.

Словно в ответ, из-за двери донесся легкий вздох:

— Я-то как раз хотел прикончить и тебя заодно, да вот не смог вышло. Первый среди людей трех учений и девяти потоков — и вдруг устранился императорских чиновников? Почему же сам не вмешался и не спас людей?

— А я уж думал, мстители той девицы, ан нет — пожаловали за мной, — Е Ханьянь поудобнее устроился на стуле и вздохнул. — Ты собрался убивать, а спасать заставляешь меня — что за логика? К тому же, какое мне дело до чужой жизни?

— Эх! Слухи в Цзянху верить нельзя: молвят, будто Е Ханьянь падок на женскую красоту и всякого жалеет. Глянь-ка, девица у твоих ног испустит дух с минуты на минуту.

Е Ханьянь даже не взглянул на А Юэ, неожиданно рассмеявшись:

— Смотря какой красотой упиваться и каких дев жалеть. Ты заявился ко мне с просьбой, перебил столько народу и повесил на меня столь тяжкое обвинение — методы у тебя поистине бесстыдные.

— Коли не хочешь — беги. Даже если чиновники и люди из Цзянху прознают, что людей убил ты, кто на этом свете сумеет тебя отыскать?

Услышав это, Е Ханьянь остался сидеть неподвижно, не желая даже сдвинуть с места глазные яблоки.

Было бы желание, а статью найдут.

Он с безупречной и молниеносной быстротой домчался до города Лаодао лишь потому, что компас, с которым он играл, предсказал: его переносица почернела и вскоре его ждет великая напасть.

Он не любил заниматься гаданиями и ворожбой, но раз уж речь шла о приближающихся неприятностях, лучше было переждать.

Но то, чему суждено случиться, непременно придет.

Е Ханьянь снова вознамерился вздохнуть.

Вдруг поднялся яростный буран, и ветхая створка двери затрепетала так, будто вот-вот рухнет.

Прошло немало времени.

Е Ханьянь не выдержал и скосил глаза, все же издав вздох:

— По словам старейшины Цю, странствуя по Цзянху, ни в коем случае нельзя прибегать к грязным приемам. Ты же использовал яд Кроваво-Алого Ло — вряд ли это по воле самого старейшины?

Голос из бури источал легкую горечь:

— Все произошло слишком внезапно, Е Ханьянь. Мы работаем за серебро и не остановимся ни перед какими жертвами — лишь бы доказать, что ты — это ты, что ты и есть Е Ханьянь.

Е Ханьянь взмахнул рукавом, и черный лист опустился ему на ладонь. Перебирая его

пальцами, он с издевательской насмешкой произнес:

— Доказать мою личность проще простого, к чему прибегать к столь крайним мерам, как убийство?

— Не то что не просто, а невероятно сложно.

— О? — Е Ханьянь приподнял бровь.

— Е Ханьянь носит титул Первого вора Поднебесной, твои легкие шаги не имеют равных в мире, не говоря уже о твоём божественном искусстве маскировки. Иными словами, пока мы разыскивали тебя, каждый встречный нищий, согбенный старик, слабый и умирающий юноша, бесчинствующий главарь горной шайки вполне мог оказаться твоей личиной, — голос замолк на мгновение. — Даже та барышня по соседству, соблазнительная танцовщица, старуха, торгующая жареными каштанами...

Е Ханьянь усмехнулся:

— Похоже, вы знаете обо мне многое.

— Отнюдь, мы не знаем о тебе ничего.

— Вот как?

— Мы даже не ведаем, стар ты или молод, мужчина ты или женщина. Впрочем, это не важно, — голос пронёсся сквозь бурю внутрь дома. — В мои обязанности входит лишь доказать, что Е Ханьянь — это Е Ханьянь, а затем доставить памятный знак. К счастью, наниматель оставил мне подсказку: Е Ханьянь не только Первый вор Поднебесной, но ещё и непревзойденный мастер в искусстве противоядий.

Е Ханьянь крутил в пальцах черный лист, погружившись в раздумья.

— Гляди-ка: все отравились, и только ты один сидишь целым и невредимым. Я обошел десяток мест, отравил десяток точек, и лишь ты преподнес мне сюрприз. Наниматель не соврал: если на этом свете и сыщется кто-то, способный испытать яд Кроваво-Алого Ло и не рухнуть замертво, так это наверняка лишь один Е Ханьянь.

Он говорил об этом так легко и непринужденно, будто убийство людей отравой не стоило для него и гроша.

Но подобное происшествие навлекись оно на цзянху, неминуло подняло бы грандиозную буму.

Да и при дворе могло вызвать суеверный ужас.

С падением черного листа Е Ханьянь поднял голову:

— Вы ошиблись, я всего лишь случайный путник, прощайте.

Обойти десять мест и отравить десять точек лишь ради поиска великого вора — стало быть, дело, которое надлежало проверить этому человеку, несомненно, выдавалось сложнейшим.

Если не бежать сейчас, то когда же? Не успел Е Ханьянь договорить, как оказался в десятке чжанов отсюда, выскочив за пределы городка.

С небес раздался вздох:

— Е Ханьянь, тебе следует уразуметь: убежишь нынче, а завтра весь город узнает, будто яд подсыпал ты, людей перебил ты. И тогда тебя станет разыскивать не один я. Начнутся поиски по императорской ориентировке, по приказу на убийство в Цзянху...

— О пустяках говорите, на мне и без того столько дел, что добрая слава давно позади. Впрочем, думаю, если преподнести им тебя, не закроется ли это дело об убийстве? — Е Ханьянь не сбавлял шага, в мгновение ока пронесся сквозь густой лес прямо на тот голос.

— Отчего же, можно и так, — тот человек словно растворился в тумане. — Но по сравнению с тем, чтобы навлечь гнев на нас, ты, пожалуй, охотнее прогневаешь чиновников.

Е Ханьянь резко оборвал бег и бросился в противоположную сторону.

— Слышал, уездный начальник из-за тех десяти убийств сам не свой от головной боли. Появись у него хоть малейшая зацепка, как думаешь, раскошелится ли он на кругленькую сумму, чтобы нанять убийц для твоей поимки? Впрочем, если отправишься со мной или возьмешь на себя эту головную боль нанимателя, я сам улажу все дела и избавлю тебя от забот в будущем.

Голос преследовал его тенью: как бы ни менял направление Е Ханьянь, он неотступно следовал на расстоянии трех чжанов, нашептывая слова прямо на ухо.

Убить людей, свалить вину на другого, а затем искушать предложением замять дело — поистине бесстыдство.

Е Ханьянь возмутился:

— Если уездный начальник дорожит собственной головой, ему лучше возжигать благовония и

молиться на меня, как на божество, дабы я часом чего не спер из чужой сокровищницы и не подбросил улики ему.

Голос замолк ненадолго, и, видимо, поняв, что запугать Е Ханьяня не удастся, собеседник с сожалением вздохнул:

— Коли и это не может заставить тебя сдвинуться с места, остается признать: Первый вор Поднебесной — человек бесчестный. Раз уж ты не держишь слово, не принимаешь Каменный Цветок и пренебрегаешь приказом досточтимого наставника, мне больше нечего сказать.

При упоминании наставника лицо Е Ханьяня слегка изменилось, и он остановился:

— Раз уж принес вещь, так оставь ее здесь, а уж принимать ее или нет — я решу сам.

— Прояви ты такую решимость с самого начала, в трактире не прибавилось бы невинных душ.

Раздался резкий рассекающий воздух свист, с небес сорвался обрывок листа. Кончик пальца Е Ханьяня вытянулся вперед, зажав лист вместе с запиской, а одновременно с ним на землю опустился Каменный Цветок о девяти лепестках, чьи лепестки чуть приоткрылись, переливаясь семью цветами радуги.

Увидев, что Е Ханьянь принял Каменный Цветок, незнакомец замер в воздухе и тут же растворился в темноте.

Е Ханьянь с беспомощным вздохом поднял переливающийся радугой девятилепестковый цветок.

Луна скрылась за облаками, поднялся порыв свирепого ветра.

Е Ханьянь ощутил легкий холод.

Когда черная кошка вновь прыгнула в трактир, там, помимо перевернутых столов и стульев, не осталось больше никого.

<http://bllate.org/book/21826/2260521>